

EX LIBRIS

О свободе среди несвободы

К своему 85-летию архитектор Мендель Футлик выпустил книгу воспоминаний

Юлия Баталина

Представьте себе, что герои «Коллег» или «Девяти дней одного года» благополучно пережили свои шестидесятые, осели в тихих конторах, обзавелись семьями... Работали «от звонка до звонка», каждый год ездили на Чёрное море, стояли в очередях за колбасой, обживали выстраданные однокомнатные хрущёвки... Реалистичная, но безотрадная картина! А как же творческий порыв, светлое будущее, как же вечная дружба, наконец?!

Оказывается, всё это никуда не девается. И творчество, и вера в идеалы, и юмор, блеск, эрудиция, критическое отношение к реальности, и, конечно, дружба; если уж всё это настоящее — то навсегда. Тому есть не просто доказательство, а целое документальное свидетельство — книга пермского архитектора Менделя Футлика «Плохая клаузура, или Погоня за ветром». Подзаголовок извещает, что это книга «в письмах, стихах и прозе», но ключевое слово здесь — письма. Книга родилась из переписки Футлика с тремя его друзьями студенческих лет: Николаем Алешенко, Геннадием Гавриловым и Борисом Кожиховым. Вместе они образовывали «Большую четвёрку». На всю жизнь друг для друга они остались Николкой, Генычем, Бориской и Мисаней — так звали Футлика, который в советские годы был, разумеется, не Менделем, а Михаилом.

Четверо ребят вместе учились в Свердловске на архитектурном, а потом разъехались по местам работы. Николка и Геныч остались в Свердловске, Бориска работал сначала в Златоусте, потом перебрался в Минск, а Мисаня в родной Перми просиживал штаны в «Горпроекте», который потом мутировал в «Пермгражданпроект». Взрослая жизнь оказалась несахарной. Унылая повседневность жестоко отличалась от студенческих «мечт», и трудно сказать, как романтики-идеалисты, мечтавшие о творчестве, о строительстве городов будущего, о воплощении и продолжении идей Ле Корбюзье, пережили бы проектирование коровников и советских стадионов, если бы не их переписка — ведь в ней они оставались прежними. В письмах друг другу они могли по-прежнему мечтать, остро шутить, блистать эрудицией и остроумием — словом, оставаться молодыми, оставаться собой.

Конечно, сохранилась не вся переписка, да и та, что сохранилась, не могла быть полностью опубликована; но даже те письма, которые вошли в книгу, рисуют полную, драматичную и очень поучительную картину жизни советской творческой интеллигенции. Это не просто сборник писем — это пронзительный сюжет, достойный романа или кинофильма.

Понимая, что письма вне контекста вряд ли будут поняты посторонними людьми, Футлик поместил их внутри большого рассказа о своей профессиональной жизни. По его словам, он писал

эту книгу около 10 лет. Это уже третье его сочинение: первая книга состояла из рассказов о детстве в довоенной Перми, вторая — сборник воспоминаний о старшем брате, театральном режиссёре Льве Футлике. Нынешняя — «Плохая клаузура» — это самое серьёзное из сочинений архитектора.

Здесь надо пояснить, что такое клаузура. Так называется учебная задача по архитектуре, которая выполняется студентом самостоятельно, без руководителя и вообще без малейшего внешнего влияния. Во времена Ренессанса для решения подобных задач студентов запирали, отсюда и название, происходящее от итальянского *clouso* — «замок». В начале своей книги Футлик рассказывает одну из любимых притч профессора Константина Бабыкина, самого чтимого преподавателя «Большой четвёрки». Суть притчи в том, что великий архитектор Джованни Лоренцо Бернини предложил Людовику XIV свой проект Лувра, но король предпочёл вариант, придуманный придворным доктором Клодом Перро. Так и стоит Лувр с фасадами, нарисованными не художником, а врачом. По словам Бабыкина, Бернини в этом случае сделал плохую клаузуру.

В общем, вся жизнь — это задача, которую каждый решает самостоятельно, и очень трудно решить её так, чтобы результат можно было назвать хорошей клаузурой.

Судьбы друзей сложились по-разному. Самый блестящий, самый творческий, тот, которого Футлик называет вдохновителем своей книги, Николай Алешенко пошёл в науку, стал профессором. Но этой деятельности было мало для его поэтической натуры, и Николка начал писать стихи и прозу, публиковаться в журналах «Урал» и «Уральский следопыт». Это хобби было для него важнее основной работы. Другие сокурсники работали в проектных институтах, пошли по управленческой и даже по политической линии. Многие выбились в начальники... Но очень и очень немногие состоялись как архитекторы. Мендель Футлик — один из этих немногих.

Как это происходило, как можно было остаться художником в мире синих копирок, рейсфедеров и рейсшин — одна из важнейших сюжетных линий «Плохой клаузуры», не менее важная, чем тема студенческой дружбы, продолжившей всю жизнь. При этом Футлик открытым текстом утверждает, что архитектуры в Советском Союзе не было,

Мендель Футлик, он же Мисаня

нет её и в современной России. Каждый индивидуальный проект, разрешённый к воплощению в советские годы, — это целый подвиг: добиться разрешения на индипроектирование было практически невозможно, всегда находился типовой проект, утверждённый к применению по всей стране. Вот почему каждое здание, созданное Футликом самостоятельно, — это целая история.

Считается, что первый самостоятельный проект Футлика — это здание краевой библиотеки им. Горького, но архитектор в своей книге честно признаётся, что в основе был типовой проект, который он творчески переработал, а главный штрих индивидуальности внесли в эту историю его друзья — художники Юрий Екубенко и Глеб Вяткин, которые «по-партизански», без всяких проектов и художественных советов, нарисовали на сырой штукатурке барельеф «Кирилл и Мефодий». Он и поныне красуется на фасаде библиотеки, а ведь была опасность, что рельеф уничтожат, а всю компанию примерно накажут: тогдашний главный архитектор Перми Николай Бойченко, биолог по образованию, продвинувшийся по партийной линии, услышал, что на библиотеке нарисовали двух монахов, и, по свидетельству очевидцев, кричал: «Убрать! Замазать немедленно!», однако местная творческая интеллигенция подержала художников и объяснила напуганному функционеру, что именно эти «два монаха» изобрели азбуку, которой написаны труды В. И. Ленина.

Теперь здание Горьковской библиотеки является объектом культурного наследия. Кстати, «Надушенное яблоко» у библиотеки Футлик ненавидит — считает, что оно портит вид его творения.

Подобных историй в книге — столько же, сколько спроектированных Футликом зданий в Перми. «Пушкинская» баня, ДК им. Гагарина, Дом культуры Всероссийского общества слепых, бар «Кама» — знаменитый «Подкамник», где Футлику удалось применить своё увлечение — скульптуры из шамота — для создания барельефа «Черти-пивовары»...

Оказывается, Дом культуры общества слепых должен был быть совсем иным — из монолитного бетона, с «инопланетными» округлыми формами, но монолитные технологии сочли слишком дорогими и заменили каркасными. Насколько оригинал отличается от результата, может убедиться каждый читатель: в книге, вообще богато иллюстрированной, есть и эскизный проект, и фото существующего здания.

Рассказывая архитектурную историю Перми, Футлик говорит и о Перми утраченной: так, читатели смогут увидеть и оценить знаменитое и некогда самое красивое в Перми здание Сибирского торгового банка, созданное Александром Турчевичем и снесённое уже в конце XX века ради постройки Культурно-делового центра на ул. Куйбышева, 14.

Впрочем, книга не столько об архитектуре, сколько о людях. Художники, музыканты (так, подробно и очень живо рассказано о знаменитом джазмене Генрихе Терпиловском), театральные деятели, даже знаменитые рестораторы — вся богемная Пермь 1960–1980-х годов. Пожалуй, такой подробной и искренней книги о ней ещё не было.

И всё же главное в «Клаузуре» — это история четырёх друзей. Проходили десятилетия, а они всё так же писали друг другу — с юношеским максимализмом, открытостью и юмором. Каждый год друзья вместе ездили в Гагру, и эти поездки давали пищу для воспоминаний, которые живы и поныне. Ресторанные потасовки с приводом в милицию с расстояния в пять десятков лет кажутся забавными приключениями в духе советских грузинских кинокомедий.

Финал у комедии, однако, печальный: троих из «Большой четвёрки» уже нет на свете. Самый яркий — поэт, писатель, художник и учёный Николай Алешенко ушёл первым, ещё в 1990 году. Сейчас из четвёрки остался только Мисаня, чтобы уже в одиночку напоминать миру о том, что в нём всегда должно быть место дружбе — среди людей и красоте — среди зданий.